

КРИСТОФЕР ПРИСТ

*ФУГА ДЛЯ ТЕМНЕЮЩЕГО
ОСТРОВА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П77

Серия «Эксклюзивная классика»

Christopher Priest
FUGUE FOR A DARKENING ISLAND

Перевод с английского *М. Молчанова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературного
агентства Intercontinental Literary Agency Limited.

Прист, Кристофер.

П77 Фуга для темнеющего острова : [роман] / Кристофер Прист ; [пер. с англ. М. Молчанова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-112928-6

Всего за четыре дня Африка, раздираемая враждой племен и конфессий, вооруженная международными игроками, превратилась в радиоактивную пустошь. Десятки миллионов беженцев на катерах, кораблях и лодчонках хлынули в страны Европы в поисках спасения. В Англии, где пришедшее к власти праворадикальное правительство пытается справиться с экономическим кризисом, беженцы встречают прямо-таки ледяной прием. ООН, Красный Крест и прочие гуманитарные миссии бессильны. Чернокожие пришельцы начинают самовольно занимать дома обычных британцев, оружие свободно ходит по рукам, и вот уже ненависть цветет пышным цветом, и из глубин Средневековья выплывает кровавое «мы — они»...

Антиутопия? Сценарий ближайшего будущего? Но ведь этот роман был написан Пристом в 1972 году...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Christopher Priest, 1972
Школа перевода В. Баканова, 2019
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-112928-6

Посвящается моим друзьям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал «Фугу для темнеющего острова» в 1971 году, годом позже она была опубликована отдельной книгой. Хотя она во многом посвящена политике и актуальным проблемам своего времени, политическим романом я бы ее не назвал. В первую очередь это художественное произведение.

Тогда я был молодым, начинающим писателем и нащупывал собственный стиль. Британская фантастика славилась своей традицией так называемого «романа-катастрофы». Особенной популярностью такие романы пользовались в 50-е годы. Джон Уиндем, Джон Кристофер, Чарлз Эрик Мейн, Джей Ти Макинтош и другие сочинили немало изобретательных сценариев конца света и считаются одними из основоположников жанра. К началу 70-х в жанре наблюдалось некоторое затишье, и я задумался, возможно ли сказать в нем нечто новое, что имело бы отношение к современности.

Не случайно, что пик популярности романов-катастроф пришелся на 50-е. В памяти людей еще свежи были ужасы Второй мировой. Европа — в том числе и Великобритания — переживала трудные времена: экономика в упадке, города разрушены, еды и энергоресурсов не хватает. Добавьте сюда еще отголоски развала империи. Писатели и критики неоднократно отмечали, что период написания, скажем, «Дня триффидов» Уиндема и «Долгой зимы» Кристофера отличался удивительной беспросветностью, причем как прошлого, так и будущего.

К началу 70-х все коренным образом изменилось. Великобритания вновь стала процветающей страной, где поощрялось творчество, и каждому открывались широкие возможности. От уныния не осталось и следа. В подобном контексте мой замысел вернуться к жанру катастроф казался чем-то из ряда абстрактных писательских упражнений.

Похоже, так думал не я один. В 1968 году июльский выпуск журнала «Нью Уолдз» вышел с обложкой американского режиссера Стивена Двоскина: черный фон и несколько простых слов: «В чем именно состоит природа катастрофы?». Понятия не имею, что Двоскин хотел этим сказать, но меня вопрос очень зацепил. Я обратился к романам-катастрофам, пытаюсь понять, в чем же суть описываемых в них со-

бытий. Все подобные произведения посвящены тем или иным внешним факторам, которые приводят к упадку цивилизации, однако, на мой взгляд, главное в любой катастрофе — это то, как она отражается на самих людях.

Раскручивая эту мысль, я пришел к тому, что сосредотачивать внимание надо не на глобальном масштабе бедствий, а на переживаниях рядовой жертвы.

Впрочем, без глобального бедствия тоже не обойтись.

Для Великобритании 1971 год отличался относительной стабильностью, тем не менее общество переживало два весьма значительных потрясения.

Во-первых, это, конечно же, конфликт в Северной Ирландии между католиками и протестантами. Он освещался ежедневно по телевидению и в газетах, и не было британца, который бы про него не знал. С каждой неделей уровень насилия только рос, и казалось, что никакого выхода нет. Сами религиозные распри меня волновали мало; гораздо страшнее был тот разгул хаоса и беспорядка, которым они сопровождались. Многим пришлось покинуть свои дома, улицы перекрывали баррикадами, появлялись военизированные группировки, целые полицейские подразделения вместо того, чтобы поддерживать нейтралитет, становились на ту

или иную сторону. В ход шли заминированные автомобили и огнестрельное оружие, случались избиения и массовые стычки. Список можно продолжать.

Я попытался представить, что было бы, если бы подобный конфликт охватил всю страну, и многие мои страхи нашли отражение в «Фуге для темнеющего острова». Однако мне по-прежнему не хватало вменяемого глобального повода, который мог бы повлечь за собой подобные последствия.

В 1971 году во главе Соединенного королевства стояло слабое консервативное правительство под руководством Эдварда Хита. Новым источником проблем становилась Африка. В поисках работы большое количество жителей Индостана хлынуло в страны на востоке континента. Гражданство этих мигрантов часто было спорным: по национальности они принадлежали к индийцам или пакистанцам, а вот паспорта имели британские. В начале 70-х в Кении и Уганде к власти пришли диктаторы, и многие мигранты были вынуждены переехать в Великобританию. Их счет шел на десятки тысяч, в связи с чем агитаторы из ультраправых стали активно раздувать расистские настроения в обществе. В частности, Энох Пауэлл, один из виднейших консерваторов, выступил с несколькими речами, разжигающими межнаци-

ональную рознь, предрекая, что страна утонет в «реках крови». К счастью, этот неприятный эпизод в истории Великобритании скоро прошел. Беженцы довольно быстро и безболезненно ассимилировались в нашем обществе.

Представив, что будет, если подобный кризис произойдет в масштабах всей Африки, я понял: именно такой глобальной катастрофе под силу породить хаос и насилие, которые я хотел описать в романе.

Данная версия «Фуги» заново вычитана и отредактирована. Я много лет искал возможности переработать этот текст. Тому был ряд причин.

Главная состоит в том, что со временем менялось мое отношение к теме, менялись настроения в обществе, даже язык поменялся. Если раньше я мог себе позволить говорить о глобальной катастрофе с иронией, порой вольно, сейчас велика вероятность, что мои слова будут неверно истолкованы.

Особенно ярко это выразилось в двух обзорах, напечатанных в журнале «Тайм Аут» (он характерен тем, что всегда идет в русле господствующего политического течения) с промежутком всего в несколько лет. В первом обзоре, сразу после выхода книги, «Фугу» хвалили, даже превозносили за яркую антирасистскую позицию и убедительное изображение того, в какой

хаос ввергают страну радикалы. Позднее, когда роман перепечатывали, вышел новый обзор (критик другой, но общественные взгляды остались в целом те же). В нем меня разнесли за пропаганду расизма и поддакивание ультраправым.

Поскольку, повторяюсь, роман не задумывался как политическое высказывание, я считаю, что оба критика неправы, однако меньше всего мне понравилось быть причисленным к расистам. Примерно тогда я и решил когда-нибудь переработать текст. И вот, наконец, это случилось. Я постарался убрать из повествования все, что можно трактовать в пользу той или иной позиции, хотя, должен признаться, чрезмерную политкорректность не поддерживаю.

Была и другая причина. «Фуга для темнеющего острова» — моя первая попытка написать серьезное произведение на серьезную тему. Задачу я поставил сложную, масштабную, и работал над ней непросто. Кроме того, в то время у меня еще не было наработанного стиля, и я легко поддавался влиянию извне. Тогда в моду вошло сухое, отстраненное повествование. Увлеченный этим феноменом, я зачитывался не только фантастами «новой волны», но и американскими писателями, в частности, Ричардом Бротиганом, Куртом Воннегутом и Ежи Косинским. Мне нравился их стиль изложения, позволявший изображать напряженные или

ужасные события без эмоциональных оценок. На мой взгляд, это только подчеркивало напряженность и ужас происходящего.

Однако теперь, сорок лет спустя, я не думаю, что такая степень отстраненности пошла роману на пользу. Определенная бесстрастность повествования сохранена, при этом новое издание все-таки получилось эмоциональнее, недостатки персонажей выписаны четче, боль и злость выражены более явно.

Сюжет не претерпел никаких изменений, я лишь постарался найти более убедительные средства для его передачи. В тексте нет никакого «осовременивания». Все описанные в романе ужасы происходили еще до того, как мир узнал, что такое глобальный терроризм. В реалиях дня сегодняшнего они оценивались бы иначе, поэтому считайте, что перед вами слепок прошлого. В этом прошлом также не было электронной почты, DVD, Интернета, камер видеонаблюдения, мобильных телефонов, продуктов с ГМО, лазерной хирургии, спутникового телевидения; Великобритания не была членом Евросоюза, у Европы не было единой валюты... и так далее, и тому подобное. Любое из этих «новшеств» повлияло бы на сюжет и повествование самым непредсказуемым образом.

Кристофер Прист

У меня светлая кожа, русые волосы, голубые глаза. Я высокого роста, одежду предпочитаю сдержанную: блейзер, вельветовые брюки, шелковый галстук. Ношу очки для чтения, но скорее по привычке, чем по необходимости. Время от времени курю, иногда выпиваю. В бога не верю, в церковь не хожу, хотя другим не запрещаю. Женился по любви. Обожаю свою дочь, Салли. К политике равнодушен. Меня зовут Алан Уитмен.

* * *

Кожа у меня смуглая от грязи, волосы сухие, в соляном налете, голова чешется. Глаза голубые. Я высокого роста, одежду не менял уже полгода, давно не мылся. Очков у меня не осталось, привык обходиться без них. Курю много, но только когда попадаются сигареты; раз в месяц напиваюсь. В бога не верю, в церковь не хожу. Мой последний разговор с женой за-

кончился ссорой, о чем теперь жалею. Обожаю свою дочь, Салли. К политике по-прежнему равнодушен. Меня зовут Алан Уитмен.

* * *

Впервые я увидел Рафика в деревушке, разрушенной в ходе артобстрела. Он мне сразу не понравился, как, впрочем, и я ему. Когда первая настороженность прошла, мы перестали обращать друг на друга внимание. Я искал еду, надеясь, что раз обстрел произошел совсем недавно, то деревню еще не полностью разграбили. В уцелевшие дома я не заходил, зная по опыту, что солдаты обносят их в первую очередь; гораздо выгоднее копаться среди обломков.

Планомерно обшаривая развалины, к полудню я набил консервами два рюкзака, а из брошенных автомобилей забрал три дорожных атласа — на обмен. За все это время с Рафиком мы больше не пересекались.

На границе деревушки я нашел поле, которое когда-то обрабатывали. В углу темнели свежие могилы; каждая отмечена доской с прибитым к ней солдатским жетоном. Судя по именам, здесь были похоронены африканцы.

Этот участок показался мне наиболее уединенным, поэтому я уселся между могил и вскрыл банку мясного рагу — отвратительного, с большими шматами жира. Я с жадностью его съел.

Перекусив, я направился к вертолету, который сбили неподалеку. Еды в нем, скорее всего, не найти, зато приборы могут сгодиться для обмена — если уцелели, конечно. Мне очень был нужен компас, хотя навряд ли его удалось бы легко извлечь, да и без внешнего питания он бы все равно работать не стал.

Когда я подошел, в кабине пилота уже вошел тот мужчина, которого я видел утром, — длинным ножом пытался выковырять что-то из приборной панели. Заметив меня, он медленно выпрямился и потянулся к карману. Несколько минут мы недоверчиво изучали друг друга. Стало ясно, что мы с ним в одной лодке и мыслим примерно одинаково.

Так я попал в группу к Рафику.

* * *

Когда на выезде с нашей улицы в Саутгейте соорудили баррикаду, стало ясно, что из дома нам, скорее всего, придется уехать. Перспектива, конечно, пугала, но мы продолжали бездействовать, надеясь приспособиться к новым обстоятельствам.

Понятия не имею, кто построил эту баррикаду. Мы жили почти в самом тупике, рядом со спортивными полями, поэтому никакого шума ночью не слышали, однако утром Изобель не смогла выехать в город, чтобы отвезти Салли

в школу. Она тут же вернулась домой и рассказала мне.

Впервые те необратимые перемены, которые происходили в стране, коснулись нас напрямую. Прежде баррикады в нашем районе практически не встречались.

Выслушав Изобель, я решил сходить посмотреть сам. Конструкция выглядела довольно хлипкой: деревянные балки, обмотанные колючей проволокой, — но ее предназначение не вызывало сомнений. Вокруг толклись несколько мужчин, среди них я узнал кое-кого из соседей.

На следующий день мы сидели дома, когда снаружи послышались крики и шум: выселяли семейство Мартинов, жившее напротив. Мы с ними и так почти не общались, а после нашествия африммов они стали совсем нелюдими. Винсент Мартин, высококлассный технический специалист, работал на авиационном заводе в Хатфилде. Его супруга сидела дома, воспитывала троих детей. Родом Мартины были с Карибских островов.

Выселением занималась уличная дружина, но на тот момент я в ней еще не состоял. Впрочем, в течение недели всех мужчин записали в дружинники, а их родственникам выдали пропуска, которые надлежало постоянно носить с собой. Эти пропуска быстро становились самым цен-